

**Марина ЭСКИНА,
10-1 класс**

**Мне посчастливилось
втройне**

«Мне посчастливилось учиться в 239-й школе» — так начинаются почти все воспоминания её учеников, но мне посчастливилось втройне. Нашим классным руководителем был теперь уже легендарный педагог, Анатолий Арсеньевич Окунев, физику преподавал незабываемый Георгий Петрович Посецельский, литературу — основатель и бессменный руководитель клуба «Алые паруса» — Ида Ильинична Славина.

Добрым словом хочется вспомнить и преподавателя химии, Александру Ивановну Баженову, которую наш класс, пользуясь ее незлобивостью, изводил на уроках безобразным поведением. Помнится, она частенько говорила: «Я не жалею на вас директору только из любви к Анатолию Арсеньевичу»; подозреваю, что так оно и было. Меня она иронически называла «эфирное создание», ведь моё поведение тоже оставляло желать лучшего. Я бесконечно вертелась, болтала, а на контрольных и опросах ещё и подсказывала. Очень молодая тогда учительница немецкого языка, Татьяна Всеволодовна Галахова, тоже была очень терпелива, относилась к нам с уважением, проявляла качества настоящего педагога.

Марина Эскина.
Фото Валерия Мухера.

В 9-1 я попала не совсем случайно, первоначально меня записали в другой класс, но узнав, что мои соученики по предыдущей школе в основном записаны в 9-1, я попросила отца (который, кстати, и был инициатором моего перехода в 239-ю школу) попробовать перевести меня в этот класс. И меня перевели, бюрократически вычеркнув из списка другую девочку. Когда 1 сентября мы обе пришли к Окуневу, оказалось, что в этом классе у неё учится подруга и она очень огорчена переводом. Недолго думая, Окунев сказал: «Можете обе оставаться у меня». Это был первый урок А.А., один из очень многих — урок умения принять правильное решение и не бояться ответственности.

Естественно, мы все собрались из разных школ, с разной степенью подготовки, разными жизненными ситуациями, характерами и пониманием роли школы в нашей жизни. Поразительно, что Окунев (как мы его называли) сразу объявил нам, что он не только собирается учить нас математике, но и хочет сблизить нас, сдружить, создать уникальный коллектив. Он говорил: «Из вашей джаз-банды я хочу сделать симфонический оркестр». Возможно, я не совсем точно передаю его слова, но метафора была музыкальная. По окончании школы он «завещал» нам ежегодно встречаться 19 октября, в день годовщины Царскосельского Лицея — и, что вы думаете, эти встречи в октябре (хотя и редко совпадают с Лицейской годовщиной), ни на один год не прерываются, во многом, конечно, благодаря усилиям нашего комсорга и души класса — Вадима Шалыгина, классного (во всех смыслах) фотографа Валеры Мухера, блестящего «архивариуса» Сергея Сеницына и многих других, находивших помещение для встреч, время на организацию, открывших двери своих квартир, спасибо им всем.

А.А. всегда приходил в класс минута в минуту, в костюме с галстуком, меня — изрядную неряху (мне к тому же приходи-

Дима Фирсов (*слева*) и Вадим Шалыгин рассказывают о геометрии Лобачевского. 1 декабря 1969 года.
Фото Валерия Мухера.

лось ездить в школу через весь город, собирая по дороге грязь (где только можно) — всегда поражали его начищенные до блеска ботинки. Подтянутый, бодрый, сразу открыв окно настежь, он смотрел слегка иронично на заспанные физиономии, иногда посылал кое-кого умыться, чтобы проснулись окончательно. Потом начинался устный опрос с места, «разминка». Эти и многие другие, казалось бы, мелочи создавали неповторимую атмосферу в классе: мы учились не смотреть на себя слишком серьёзно, ценить время, понимать доброту и острую шутку, сдерживать обиды, соревноваться без злости и ревности. Уроки были чётко спланированы, но не лишены импровизации и всегда до предела насыщены. Перед началом 10 класса А.А. попросил сообщить ему, в какой вуз каждый из нас собирается поступать. После этого, кроме общешкольной программы по алгебре, стереометрии и математическому анализу, он готовил каждого индивидуально. Нам давались «недельные задания» с задачами из вступительных экзаменов соответствующего вуза, Окунев проверял эти дополнительные задания, и подготовка продолжалась весь год. Как он выдерживал такую нагрузку, я до сих пор не понимаю. Надо сказать, что в нашем классе, как и во всей школе, училось немало евреев. Окунев, несомненно, знал о трудностях, с которыми сталкивались в эти годы евреи при поступлении в вузы, и особенно в Университет. (Тогда университет в Ленинграде, да и в любом другом городе СССР, кроме Москвы, был только один — остальные вузы назывались институтами или училищами.) И я помню, что он агитировал всех наших «звёзд», без учёта 5-й графы, идти учиться в Политехнический институт, мотивируя это, кажется, тем, что там дают не менее серьёзную, но более практическую подготовку. Не все в классе, возможно, понимали подоплёку этих рекомендаций, но я уже тогда понимала, и меня очень трогало, что А.А., не имея возможности говорить о «проблеме»

Георгий Петрович Посецельский. 1970 год. *Фото Валерия Мухера.*

Валерий Мухер (*слева*) и Кирилл Мореншильдт
(10-1 класс выпуска 1971 года).

открытым текстом, старался защитить своих учеников от ужасных разочарований, сломанных судеб.

Никогда не нажимая, А.А. мог сообщить нам о предстоящем концерте в филармонии, о спектакле или выставке. Сам он прекрасно, профессионально пел и на наших «вечерах» приохотил нас к песням Визбора, Городницкого, Кукина, ведя за собой наш нестройный хор, в котором потом появились и солисты, и гитаристы, и даже авторы.

О походах с А.А. знала вся школа. Я не была спортивной, скорее наоборот, но очень хотелось сходить с Окуневым в поход, и в 10-м классе я решилась. А.А. не без причины сомневался в моих возможностях, но за меня поручился Вадик Шалыгин. Это был незабываемый лыжный поход, немного даже рискованный, на 20 с лишним ребят только двое взрослых — А.А. и Мирра Гиршевна, которая трогательно заботилась о нас, особенно о девочках. Мороз в эту зиму выдался изрядный.

При всем пиетете, с которым мы относились к Окуневу, класс никогда не переставал его «испытывать», иногда невольно, подчас по-детски. Помню, осенью в 10 классе, мальчишки притащили и водрузили на учительский стол огромный арбуз, воткнули в него два или три ножа. Это было 1 октября — в день рождения А.А. Все замерли, когда вошёл учитель. Может, на секунду он и растерялся, но потом арбуз был аккуратно поделен и съеден всем классом. А урок прошёл как обычно, в хорошем темпе.

Об А.А. можно писать бесконечно. Тем более что с годами разница в возрасте, 15 лет, тогда казавшаяся непреодолимой, сгладилась, а отношения на протяжении всех этих лет не прерывались и стали дружескими, продолжая обогащать мою жизнь.

Уроки Георгия Петровича Посецельского были совсем другими, он сразу дал нам понять, что мы — самостоятельные,

взрослые люди, сами решаем, чего мы хотим, а если кому-то не нравится учить физику — это наше дело. Но и последствия придётся расхлёбывать самим. Георгий Петрович говорил тихо, никаких эффектных приёмов на его уроках не было, на последней парте, наверное, можно было задремать или заныть чем-то посторонним, что, впрочем, не оставалось незамеченным. Но его слушали, затаив дыхание, ловили каждое слово. Мы с моей соседкой по парте были в него «безнадёжно» влюблены. Наверное, не только мы. В его кабинете каждый следующий ряд столов располагался выше, чем предыдущий, было даже ощущение амфитеатра, и обстановка на уроках была скорее не школьная, а студенческая, лекционная. Он внушал нам чувство уважения к слову, друг к другу. Его тонкие замечания, улыбка, даже то, как он с нами здоровался, — всё это было воспитанием, которое мы впитывали, не подозревая, что нас воспитывают. Мы безвременно потеряли Георгия Петровича, не успев дорасти до дружбы с ним. Память о нём жива, пока живы его ученики. Сейчас, благодаря Facebook, я нашла в Интернете страницу его дочери, талантливой художницы Екатерины Посецельской, и с радостью слежу за её творчеством.

Ида Ильинична Славина — легендарный педагог и организатор. Поразителен был её интерес к нам, ученикам, личностям. Для того чтобы лучше с нами познакомиться, Ида Ильинична на одном из первых уроков предложила всем написать сочинение на свободную тему, их было много. Я инстинктивно почувствовала доверие к учителю и выбрала неожиданную для себя тему: «Это я люблю», написала, кажется, об увлечении живописью, о Мадоннах художника Мурильо. Меня прежде всего ошеломила свобода, с которой можно было вести себя на уроке литературы, высказывать своё мнение, обсуждать. Это было ново. Ну и, конечно, любовь к искусству, к творче-

ству, к поэзии, которая всегда для меня так много значила. Всем этим дышали её уроки. Вдохновлял неувядающий интерес И.И. ко всему талантливому, живому, её энтузиазм, готовность откликнуться, поделиться впечатлениями.

Для меня Ида Ильинична была не только учителем литературы, но и руководителем литературного Клуба, который стал большой частью моей жизни, уже не только школьной. Дружба с членами Клуба и с Идой Ильиничной продолжается.

Март 2015 года